

functions is briefly analyzed, modern ideas of features of empirical and theoretical knowledge are given, some observations are made about ways of formation of the theory of public administration.

Keywords: public administration, methodology, empirical and theoretical knowledge, theory, concept, structure, function, typical, true.

*© А. Р. Ovchinnikov, 2016

Ovchinnikov, Aleksandr Pavlovich – associate Professor of the Department of state and municipal management, Samara University.

*С.А. Мартышкин**

ЛОКАЛИЗМ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Статья посвящена выяснению соотношения двух государственных управленческих традиций: локализма и централизации власти. Исследование развернуто на большом историко-управленческом материале – эпохи древности, средних веков и раннего Нового времени в различных странах мира – Востока и Запада. Особенное внимание автора обращено к управленческому опыту стран Востока. Разбираются понятия локализма и централизации государственной власти и управления, а также баланса сил в различные историко-управленческие эпохи.

Ключевые слова: локализм, централизация, государство, власть, баланс сил.

Государства возникли еще в древности: на Древнем Востоке, в Греции и Риме. В средние века территория государств распространилась на остальную часть Европы и большую часть Азии, значительную часть Африки, некоторые области Мезоамерики и Южной Америки. Эпоха Великих географических открытий еще более способствовала экспансии государств. Государственные образования древнего мира, Средневековья и раннего Нового времени можно называть раннегосударственными. Они были различными по типу устройства: существовали города-государства, конфедерации и мировые империи[1,2,3].

Общее направление эволюции государственного устройства заключалось в переходе от союзов государств, включая торговые города-государства, к наднациональным, мировым империям. Усиливалась централизация власти. Одновременно проявлялась противоположная

*© Мартышкин С.А., 2016

Мартышкин Сергей Алексеевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета

тенденция государственного развития – к сохранению и упрочению местных управленческих традиций, к локализму в государственном управлении.

Торговые города-государства тяготели к локализму вопреки их заинтересованности в развитии международных связей. Как правило, торговые города или их союзы уступали крупным государственным образованиям (империям, независимо от формы правления) в возможности организации эффективного для своего времени государственного управления[4, с. 28].

Исторически первыми союзами городов-государств были государственные образования Древнего Востока: в Передней Азии и Древнем Египте. Одно из первых государственных образований, царство Шумера, было в итоге завоевано государями-объединителями, стремившимися к созданию единой мощной государственности на территории всей Месопотамии. Вначале часть Шумера оказалась во власти царей Гильгамеша и Лугальзагеси. Затем, в середине III тыс. до н.э. Шумер был завоеван основателем мировой империи Ассирии по имени Саргон Древний. На время локализм шумерских городов-государств (номов) был подчинен центральной имперской власти царства Аккада во главе со староассирийским правителем. В середине II тыс. до н.э. Вавилонская мировая империя поглотила территорию прежних царств Шумера и Аккада.

На новом витке исторического развития, в новый период эволюции государственного управления в Месопотамии, традиция локализма снова оказалась подчиненной противоположной тенденции – упрочения центральной имперской власти в масштабах всей страны. В середине I тыс. до н.э. Месопотамия вошла в состав многонациональной, мировой Персидской империи. Ее победителями стали македонцы во главе с царем Александром в IV в. до н.э. В эпоху эллинизма Передняя Азия со своей важной областью Месопотамией была неотъемлемой частью Македонской империи и ее наследницы – империи Селевкидов. Затем часть Месопотамии на время покорили римляне. Месопотамия была областью Римской империи.

Противостояние центральной и местной власти, борьба представителей местной власти с правителями единого государства заметны на примере другой древнейшей государственности Востока – Древнего Египта. В конце III тыс. до н.э. практически независимые правители отдельных областей, образовавшие собственные династии в Египте, в конце концов, развалили единую государственность, ввергнув страну в пучину междоусобных распрей. В конце XXI в. до н.э. с большим трудом египетским фараонам удалось восстановить единое царство. В начале II тыс. до н.э. Египет вновь распался на самостоятельные номы. Новое объединение страны наступило после несколько столетий, во II тыс. до н.э. Через тысячелетие Египет окончательно утратил независимую государственность, распался на отдельные области и был завоеван иноземцами – ассирийцами, потом персами, македонцами, и, наконец, в I в. до н.э. римлянами. Египет стал

провинцией Римской империи. Борьба центральной власти с локальной управленческой тенденцией осуществлялась в Месопотамии и Египте в новых историко-государственных условиях, до конца периода древней государственности (V в. н.э.) [5, с. 103].

Среди выдающихся правителей Египта, которые стремились укрепить центральную власть в стране, можно назвать фараона-реформатора фиванской (восемнадцатой) династии Аменхотепа IV (1372-1354 гг. до н.э.), осуществившего религиозную реформу. В ходе его преобразований сменились основы религиозной системы Египта. Главным божеством стал солнечный бог Атон взамен прежнего солнечного божества Амона; не случайно фараон сменил свое имя с Аменхотепа на Эхнатона. Слишком быстрый курс реформ встретил сильное сопротивление подданных Эхнатона, против которых он обрушил массовые репрессии. В результате реформы были отменены, династия погибла, а система государственного управления была ослаблена и изменена в пользу локализма и прежних идеологических установлений. Несомненна серьезная преобразовательная деятельность Эхнатона, проявившаяся впоследствии в культурно-государственной традиции Египта.

Центральную власть старался упрочить царь Старовавилонского царства Хаммурапи (1792-1750 гг.). Для этого при нем издали свод законов (Законы Хаммурапи). Хаммурапи удалось сохранить и усилить единство Вавилонии; его система государственного управления просуществовала почти двести лет. Династия, к которой принадлежал Хаммурапи, уступила место новой, Приморской династии, лишь в 1595 г., после завоевания страны хеттами, а потом царем «страны моря» с юга Месопотамии, который основал новую Вавилонскую династию. Историко-управленческие события в Вавилонии, в Месопотамии в середине II тыс. до н.э. убеждают в прогрессивности основных государственных преобразований царя Хаммурапи, подкрепленных единым сводом законов для подвластной ему территории Месопотамии.

На побережье Восточного Средиземноморья в древности возникли города-государства, специализировавшиеся на международной торговле - Сидон, Тир, Библ, Берит (современный Бейрут), а также некоторые другие города-государства, которые обобщенно называли Финикией. Она никогда не была единым государственным целым. Несмотря на высокое развитие финикийской цивилизации, она была вынуждена уступить более сильным конкурентам. Локализм торговых городов-государств Финикии не позволял более или менее прочно объединить страну, которая оказалась относительно легкой добычей мировых империй – Ассирии, Персии, Македонии и Рима. Нововавилонский царь Навуходоносор II упразднил царскую власть в городе Тире в VI в. до н.э. Городом стали управлять суфеты, возглавлявшие городскую общину. От Тира отпали многие колонии (царская власть на время была возрождена в Тире).

Важнейшим достижением финикийцев можно считать их колонизацию побережья Средиземноморья. В IX в. до н.э. финикийские мореплаватели основали колонию Карфаген в Северной Африке (Тунис). Невзирая на финикийское происхождение Карфагена, эта государственность оказалась вполне самостоятельной, отпала от основавшего ее Тира после его завоевания Навуходоносором II, приобрела оригинальный характер. Поэтому Карфагенскую державу можно рассматривать в качестве локального варианта финикийской государственной модели. Ранее тирские колонии были вполне самостоятельными, составляя часть Тирской государственности.

Под властью Карфагена в конце VI в. до н.э. находились Сардиния, часть Сицилии и побережье Африки. Затем карфагеняне подчинили себе Гадес и другие финикийские города Южной Испании. В V в. до н.э. в основном сложилось ядро Карфагенской державы. Ей подчинилась бывшая финикийская колония в Африке Утика, которая настаивала на формальном равноправии с Карфагеном при фактическом статусе покоренной территории. Локальные тенденции в области государственной власти и управления действовали и здесь. Оставалась «старинная ненависть» карфагенян и жителей Утики, на что указывали римские авторы античной поры.

Свержение «династии» Магонидов (формально Карфаген был республикой) в Карфагене в середине V в. до н.э. означало борьбу с еще одним проявлением локализма власти, которая стала «тяжела для свободы» карфагенян, по их собственному выражению. Во время войны с греческой колонией Сиракузами в Сицилии Магониды возвратили себе власть в Карфагенской державе. Потеря города Мотии карфагенянами в войне с сиракузским тираном Дионисием в конце IV в. до н.э. явилась свидетельством потери влияния Магонидов. В одном сражении пал правитель Магон, после которого власть в стране перешла его сыну. В целом, война против Сиракуз закончилась тогда победой Карфагена. Но сицилийские войны позволили покоренным карфагенянами народам восстать против них. В итоге центральная власть Карфагена была ослаблена. Город стал управляться с помощью совета и двух суфжетов, т.е. по республиканскому принципу. В 195 г. до н.э. суфжетом Карфагена был избран полководец Ганнибал. В 146 г. до н.э., по итогам третьей войны с Римом Карфаген был завоеван и разрушен. Территория Карфагена была включена в состав римской провинции Африка с центром в Утике. «Нивелирующий рубанок римского господства» покончил с локализмом карфагенской организации государственного управления[6, с. 49-50].

В 439 г. н.э. вандалы захватили Карфаген, который возродился в качестве римской колонии. В 698 г. Карфаген захватили и разрушили арабы, завершив дело римлян, ранее боровшихся с карфагенянами. С тех пор Карфаген уже не восстанавливался. Вблизи Карфагена вырос и развивался город Тунис. Возрождение Карфагена стало уже ненужным. Не стало

условий для проявления погубившей карфагенскую государственность тенденции локализма.

Свидетельством раскола среди карфагенской элиты эпохи Пунических войн стали разногласия между группировкой во главе с Гамилькарком Баркидом и группировкой, возглавлявшейся его непримиримым противником Ганноном Великим. Соперничество двух кланов закончилось поражением Ганнонидов. Внешнеполитические ориентации этих двух «партий» оказались различными, даже противоположными: Баркиды стояли за борьбу с Римом, а Ганнониды – за миролюбивую внешнюю политику, исключавшую всякий конфликт с римлянами. Римляне и карфагенская олигархия объединились против Баркида, полководца Ганнибала. Ему не удалось завершить государственные реформы и пришлось бежать на Восток. Именно победа демократической «партии» дала римлянам повод вмешаться в карфагенские дела в ходе Третьей Пунической войны 149-146 гг. до н.э.[7, с. 68].

Греческие полисы, города-государства в Малой Азии находились под властью персидского царя в IV в. до н.э. Они сохранили свои традиционные формы управления и даже образовали союз городов, своеобразную конфедерацию. Вместе с тем, в полисах к власти пришли тираны, активно поддерживавшиеся сатрапами персидского царя. Автономию городов-государств Персия не отменила, но постоянно подавляла всякое устремление малоазийских греков к самостоятельности.

На западе Персидской (Ахеменидской) державы существовали гражданско-храмовые общины. В них осуществлялось противодействие универсалистской, имперской идее организации государственного управления. Но гражданско-правовые общины были подвержены имперскому произволу со стороны персидского царя.

Пелопоннесская война в Греции в V в. до н.э. положила конец расцвету греческих городов-государств. Нарушился баланс сил между ними. Новая система международных отношений в Греции была еще более непрочной, чем раньше. Вскоре греческие полисы оказались вовлеченными в еще более опасные распри. Система полисов, небольших городов-государств со своими локальными управленческими традициями, ведущими к замкнутости гражданского коллектива, была уже несостоятельной. Гегемонию в Греции пытались установить вначале Афины, потерпевшие поражение в Пелопоннесской войне, затем победившая их Спарта, а потом – Фивы. Все же, в IV в. до н.э. в Греции не оказалось государства, способного объединить всю страну. Греция продолжала оставаться разделенной на множество мелких государств. Торжествовала традиция локализма[8, с. 230-234].

Греции требовалась внешняя сила для преодоления кризиса полиса, кризиса локализма. Полисное и монархическое состояние в управлении попытались объединить на периферии греческого мира, в Сицилии. Однако такой опыт не стал успешным. Другой лидер периферии греческой цивилизации, Македония, сумела противопоставить свою военную мощь

Греции и завоевала ее. Тем самым, было преодолено прежнее противостояние имперской идеи и локализма в греческих полисах. Греция попала под власть Македонии, вошла в состав мировой Македонской державы в IV в. до н.э. Затем, победив Македонию, в 146 г. до н.э. римляне завоевали Грецию, ставшую римской провинцией под названием Ахайи[8, с.463].

Локальной цивилизацией, несмотря на необыкновенно высокий уровень развития, оставалась цивилизация в долине Инда, в Индии. Объединить страну, создать мировую империю суждено было государствам в долине Ганга в более позднюю эпоху. В географическом смысле Северная Индия давно расценивалась в качестве единого целого: ее называли страной Ариев (Арьявартой). Раздробленность страны и вражда между многочисленными государствами в долине Ганга позволяли внешним врагам покорять данную территорию. Среди других государств возвысилась Магадха. Руководитель борьбы с греко-македонскими завоевателями царь Чандрагупта стал объединителем Северной Индии в IV в. до н.э. Его преемник, царь Биндусара, получил прозвище «убийцы врагов». Он существенно расширил границы своего государства, которое теперь простиралось на территории от Западного до Восточного океана. Часть Южной Индии также вошла в состав государства Биндусары. Таким образом, была преодолена традиция локализма в государственном управлении в Индии. Там возникла мировая империя – Магадхско-Маурийская держава[9, с.210-211].

В IV в. до н.э. создавались условия для объединения китайских государств. Более сильные из них стремились ликвидировать самостоятельность соседних царств и поглотить их территорию. Почти все китайские правители мечтали полностью подчинить себе всю территорию страны. В III в. до н.э. на некоторое время усилилось царство Чу. Но оно само было покорено царством Цинь, к тому времени завоевавшим многие китайские царства. В 221 г. Цинь захватило царство Ци. Завершилось объединение Китая. Локализм преодолевался и в экономической области. На Среднекитайской равнине сложились крупные экономические районы, границы которых не совпадали с прежними государственными территориями. Консолидировалась этническая общность китайцев. Культура китайского этноса становилась единообразной. Этническое самосознание китайцев сохранило представление о единстве населения Среднекитайской равнины. Объединение царством Цинь китайских государств сопоставимо по своему управленческому значению с объединением греческих полисов Македонией в IV в. до н.э. Новое крупное китайское государство – царство Цинь – оказалось более однородным в этнокультурном смысле, чем созданная Александром Македонским мировая Македонская держава[10, с.15-16].

В средние века, в Европе сложились союзы торговых городов-государств в Италии и Германии. Локализм в управленческой традиции

итальянских торговых республик Генуи и Венеции не способствовал объединению страны. Италия долгое время сохраняла государственную раздробленность – вплоть до Нового времени, когда в середине-второй половине XIX в. эта страна, наконец, стала единым государством. В ту же эпоху объединилась Германия, намного позже других крупных европейских стран, что предопределило особенную агрессивность и склонность Германии к территориальной экспансии в Европе и за ее пределами. Противостояние локализма и централизующей тенденции в государственном управлении крупной европейской страны – Германии – непосредственно повлияло на ход мировой истории: Германия стала инициатором 1 и 2 мировых войн.

Локализм был присущ средневековой Новгородской республике и ее местным вариантам, таким как Псковская республика и Вятка. Новгород Великий не смог быть альтернативой вызова Москвы в борьбе за объединение Руси. Новгородская боярская республика не могла взять на себя роль центра объединения русских земель именно в силу своего локализма в государственном управлении. И в этом случае централизаторская тенденция победила локализм. Москва стала центром единого Русского государства и завоевала Новгородскую и Псковскую земли, присоединив их к своим территориям. Столица единого Русского государства находилась в Москве. Начиналась новая страница в истории государственного управления в России, складывалась новая русская политическая система. Россия вступала в Новое время.

Локализм в эпоху колониальных захватов европейских государств на Востоке приводил к утрате государственного суверенитета восточных стран. Непрочный баланс сил в межгосударственных отношениях наступил в Индии после фактического распада Империи Великих Моголов в начале XVIII в. Нарушителями такого баланса сил вначале стали маратхи, создавшие свою сильную державу и мечтавшие занять имперский трон в Дели. Замыслы маратхов провалились вследствие вторжения в Индию войск иранского Надир-шаха. В 1739 г. он разгромил армию маратхов и разграбил Дели. Формально правившие там Великие Моголы не смогли ничем помочь своей стране, разоренной Надир-шахом. Его соратник Ахмад-шах, находившийся со своими отрядами в войске Ирана, стал независимым правителем Афганистана (дурранийская династия) и вернулся в Северную Индию, чтобы ее покорить. Ахмад-шах разгромил маратхов, которые больше не могли претендовать на гегемонию в Индии. Ахмад-шах также не преуспел в завоевании всей Северной Индии вследствие героического сопротивления, оказанного ему сикхами.

От Великих Моголов отпала Бенгалия, правитель которой объявил себя независимым. Бенгалия захватила бывшие могольские территории Бихар и Ориссу. Другой могольский наместник также заявил о своей независимости от Дели в центре Индии, где возникло государство Хайдарабад, которое активно боролось с маратхами за власть в стране. От Великих Моголов отсоединились государства Ауд и Майсур. Правитель последнего

государства, Хайдар Али и его преемник Типу-султан успешно воевали с маратхами и Хайдарабадом. Главной целью Типу-султана было прогнать из Индии уже обосновавшихся там англичан.

Британская Ост-Индская компания вела войны против Майсура и маратхов. В 1819 г. с маратхской гегемонией было совсем покончено. К тому времени пал и Майсур. Еще раньше английские войска заняли Дели (1803 г.) [11, с. 353-357]. Англичане теперь контролировали почти всю Индию, кроме ее северных территорий Синда, Пенджаба, Кашмира. Индия стала первой крупной страной Востока, где существовавшие прежде группы государств, сплоченные непрочным балансом сил в отношениях между ними, постоянно нарушаемого вследствие традиции локализма, превратились в европейские колонии, причем без особого труда для европейских колонизаторов.

Накануне британской агрессии против Бирмы, в конце XVIII в., эта страна оказалась под влиянием локалистской управленческой традиции. Моны захватили столицу Бирмы город Аву, но полководец У Аун Зей разгромил их и основал новую столицу, которой стал город Моксобо. Столица получила новое название – «город золотого вождя» (Шуэбо), а сам полководец, став правителем Бирмы, тоже сменил имя. Его стали звать Алаунпая. Он изгнал монов из Авы, объединив значительную часть страны. Лишь столица государства монов – Пегу, а также Сириам оставались в руках монских захватчиков, пользовавшихся поддержкой европейцев – французов и англичан. Бирма пока не стала колонией европейских держав, поскольку англичане и французы соперничали между собой из-за владений в Юго-Восточной Азии. Франция получила преимущество в Южной Бирме, принадлежавшей монам, которые опрометчиво пошли на союз с европейскими колонизаторами, опасаясь экспансии Авы. Алаунпая сам заигрывал с англичанами, видя в них союзника в борьбе с французами и их сторонниками монами. Тем временем, Алаунпая отвоевал у монов Сириам и Пегу, окончательно объединив Бирму. Монское государство прекратило существование. Казалось бы, теперь в Бирме возобладала централизаторская тенденция.

Из Индии в Бирму вторглись манипурцы, поэтому Алаунпая был вынужден уйти из Южной Бирмы, где снова распространился локализм в управленческой традиции. Манипур был разгромлен Алаунпаей. В повестке дня числились походы на Сиам (Аютию) и Чиангмай. Гибель в бою Алаунпая во время сиамского похода в 1760 г. вновь оставила открытым вопрос об укреплении центральной власти в Бирме. Продолжилась война с монами. Начались восстания в собственно бирманских землях. Преемники Алаунпая справились со своей задачей укреплять государственную власть. Наместники, поднимавшие мятежи, были усмирены. Аютия сдалась бирманцам в 1767 г. Провинция Аракан также покорилась Бирме в 1785 г. [12, с.111-117]. К началу XIX в. Бирма стала централизованной монархией, что отличало ее от царства Авы. Столицей страны стал основанный

Алаунпаей город Рангун («Конец вражды»). На самом деле, междоусобная борьба в Бирме вскоре возобновилась с новой силой.

Во время восстания монов на юге Бирмы был сожжен Рангун. Бирманцев прогнали из Сиам и Чиангмая. Бирманская знать вернулась к традиции локализма в управлении, не подчиняясь центральной власти. Произошли дворцовые перевороты. Сын Алаунпаи Бодопая подавил сопротивление своих врагов и стал царем. Он перенес столицу страны в Амарапуру неподалеку от Авы. Бодопая принялся энергично укреплять центральную власть. Он снова завоевал Чиангмай и Аракан, совершил военный поход в Сиам, хотя не добился там успеха. Воодушевленный своими победами, Бодопая провозгласил себя «грядущим Буддой».

Англичане давно стремились покорить Бирму. Поводом к англо-бирманскому военному конфликту послужило вторжение бирманских войск в подвластный англичанам Ассам (Индия) в ходе преследования мятежных араканцев. Они укрылись именно на ассамской территории. Бирманцы завоевали Ассам, вызвав недовольство Великобритании. Первая англо-бирманская война (1824-1826 гг.) закончилась победой англичан. Они оккупировали Аракан, Тенассерим, часть Манипура и Ассама. Английская армия была вблизи столицы Бирмы Авы. Мирный договор 1826 г. бирманцы считали несправедливым и позорным. Закупки оружия бирманцами позволили Великобритании получить повод к новой войне с Бирмой. В 1852-1853 гг. состоялась Вторая англо-бирманская война. Бирма была разорена вследствие внутренних конфликтов и фактически беззащитна перед англичанами. Они захватили столицу страны Рангун, а также Бассейн Иравади, Пегу и Пром. Тем временем, в Амарапуре короновали нового царя Миндона, который стремился продолжать борьбу с Великобританией.

Бирма находилась в тяжелом положении: английские владения охватывали ее территорию с запада и юга, где находились все морские порты страны, английский губернатор имел резиденцию в Рангуне, откуда угрожал новым вторжением. Бирма оказалась отрезанной от мира, попала на периферию международных событий в Юго-Восточной Азии. Только Иравади связывала Бирму с Индийским океаном. В 1857 г. бирманцы перенесли столицу в Мандалай. В Британской Бирме был установлен новый, европейский колониальный порядок. О единстве страны и укреплении центральной власти бирманцам не приходилось помышлять. Царь Миндон сумел вопреки неблагоприятному внешнеполитическому окружению Бирмы усилить военный потенциал подвластного ему государства.

Вскоре вновь обострились отношения Бирмы с Великобританией. Третья англо-бирманская война в 1885 г. привела к гибели самостоятельного Бирманского царства и превращению его территории в британскую колонию, которую англичане присоединили к своим владениям в Индии. Бирма стала частью Британской Индии. Локализм в Бирме серьезно расшатал центральную власть страны [13, с. 165-166].

Традиция локализма проявлялась в Новое время в ходе Войны за независимость США (1775-1783 гг.). Вначале существовали отдельные тринадцать государств – бывших колоний Великобритании, которые выступили с Декларацией независимости 4 июля 1776 г. Изгнав колониальную администрацию, жители бывших британских колоний в Северной Америке разработали новые системы государственного управления, причем в каждом государстве (штате) имелась собственная система управления. Общим для всех тринадцати штатов было наличие поста главы государства – губернатора. До войны с Великобританией губернаторов назначал король, теперь губернаторов избирали законодательные собрания. Губернатор оказался подотчетен избравшему его законодательному собранию. В штатах Нью-Йорк и Массачусетс губернатора избирали с помощью прямых выборов. Кроме штатов Нью-Йорк, Делавэр и Южная Каролина, на других территориях губернатора переизбирали ежегодно. Некоторые штаты приняли ограничения на срок полномочий губернатора.

Разные штаты установили свои сроки также для пребывания в должности членов исполнительного совета при губернаторе. Самые большие полномочия имелись у губернаторов и членов исполнительных советов в штатах Массачусетс, Нью-Йорк и Южная Каролина. Там у главы государства было право вето на решения законодательного собрания. Это право в дальнейшем вошло в федеральную конституцию. Некоторые штаты записали в своих конституциях право главы государства объявлять эмбарго на торговлю на срок до одного месяца.

В десяти из тринадцати штатов законодательные собрания были двухпалатными, в остальных однопалатными. В Нью-Джерси, Мэриленде и Южной Каролине конституция штата зафиксировала высокий имущественный ценз для членов верхней палаты законодательного собрания - сената. Некоторые штаты одновременно несколько демократизировали свои порядки формирования состава нижних палат законодательных собраний. Нью-Гэмпшир, Пенсильвания и Северная Каролина предоставили избирательное право всем взрослым мужчинам-налогоплательщикам. Мэриленд, Нью-Йорк и Джорджия снизили имущественный ценз. Крупный имущественный ценз для избрания в законодательное собрание существовал в Мэриленде, Нью-Джерси и Южной Каролине, а в Северной Каролине такой ценз был символическим. Пять штатов вообще отменили имущественный ценз на право избрания в законодательное собрание[13, с. 138-140].

Общеамериканской конституцией считались «Статьи конфедерации и вечного союза», вступившие в силу в 1781 г. Однако центральная власть в государстве являлась очень слабой. Решения общеамериканского парламента – конгресса – носили консультативный характер для правительств отдельных штатов. «Статьи конфедерации» были результатом компромисса между центральной и местной властью, уступкой американскому локализму.

Ситуация изменилась в пользу укрепления центральной власти США после принятия федеральной конституции в 1787 г., когда конфедерация

была заменена новой федерацией. Развернувшаяся в США борьба за принятие федеральной конституции свидетельствовала о трудном преодолении локалистской традиции даже в государствах западной цивилизационной традиции, включая США[14, с.10].

И все эти тенденции локализма и централизации, которые имеют место практически в каждой стране, в любом историческом периоде необходимо полнее отражать в научной и учебной литературе, хотя определенные попытки в этом направлении предпринимаются [15].

Библиографический список

1. Мартышкин С.А. Империи в истории ранней государственности//Основы экономики, управления и права. 2013. № 3 (9). С. 28-31.
2. Мартышкин С.А. Конфедерации в истории государственного управления //Основы экономики, управления и права. 2013. № 6 (12). С. 29-32.
3. Мартышкин С.А. Союзы государств как ранняя форма территориального устройства: историко-управленческий аспект//Основы экономики, управления и права. 2012. № 6 (6). С. 42-47.
4. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов/Под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2011. – 538 с.
5. Мартышкин С.А. Противостояние центральной и местной власти в государственном управлении: раннегосударственный опыт Египта и Месопотамии//Современные проблемы управления/Под ред. С.А. Ключникова. Вып. 6. Самара: Глагол, 2013. – С. 97-104.
6. Сычев Н.В. Книга династий. М.: Восток-Запад, 2006. – 959 с.
7. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М.: Наука, 1987. – 287 с.
8. История древнего мира. Т. 1-3. М.: Наука, 1983. Т. 2. Расцвет древних обществ. М.: Наука, 1983. – 574 с.
9. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. – 758 с.
10. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. – 415 с.
11. Васильев А.С. История Востока. Т. 1-2. М.: Высшая школа, 2001. Т. 1. М.: Высшая школа, 2001. – 512 с.
12. Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы. М.: Наука, 1973. – 382 с.
13. История США. Т. 1-4. М.: Наука, 1983-1987. Т. 1. 1607-1877. М.: Наука, 1983. – 687 с.
14. Мартышкин С.А. Из истории опыта государственного управления: ранняя и традиционная государственность// Современные проблемы

управления/Под ред. С.А. Ключникова. Вып. 6. Самара: Глагол, 2013. – С. 5-11.

15. Зимин В. А., Морозова Г. А. Политология : учебно-методическое пособие / под общей ред. В. А. Зимина. Самара, 2010.

*S.A. Martyshkin **

LOCALISM AND CENTRALIZATION OF POWER DURING THE EARLY STATES

The article is devoted to decision of the problem such balances in two state administrative traditions as localism and centralization of power. The research based on large historical and administrative materials – from ancient times and medieval history, and early Modern times – in the territory of both the East and the West. The main attention author made about administrative experience of the Eastern states. Such categories as localism and centralization of power, and administration in states, balances of power during some historical periods were discussed.

Key words: localism, centralization, state, power, balances of power.

*© Martyshkin S. A., 2016

Martyshkin Sergey Alekseevich – Professor of the Department of state and municipal management, Samara state Aerospace University

*С.А. Ключников**

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ СВЯЗЕЙ

Статья посвящена выделению методологических принципов рассмотрения системообразующих связей в социальных системах. В социуме любую зависимость между элементами предлагается рассматривать как взаимосвязь, как взаимодействие и как взаимоотношение.

Ключевые слова: системное целое, зависимость между элементами, связи, действия, отношения.

*© Ключников С.А.

Ключников Сергей Александрович - доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета